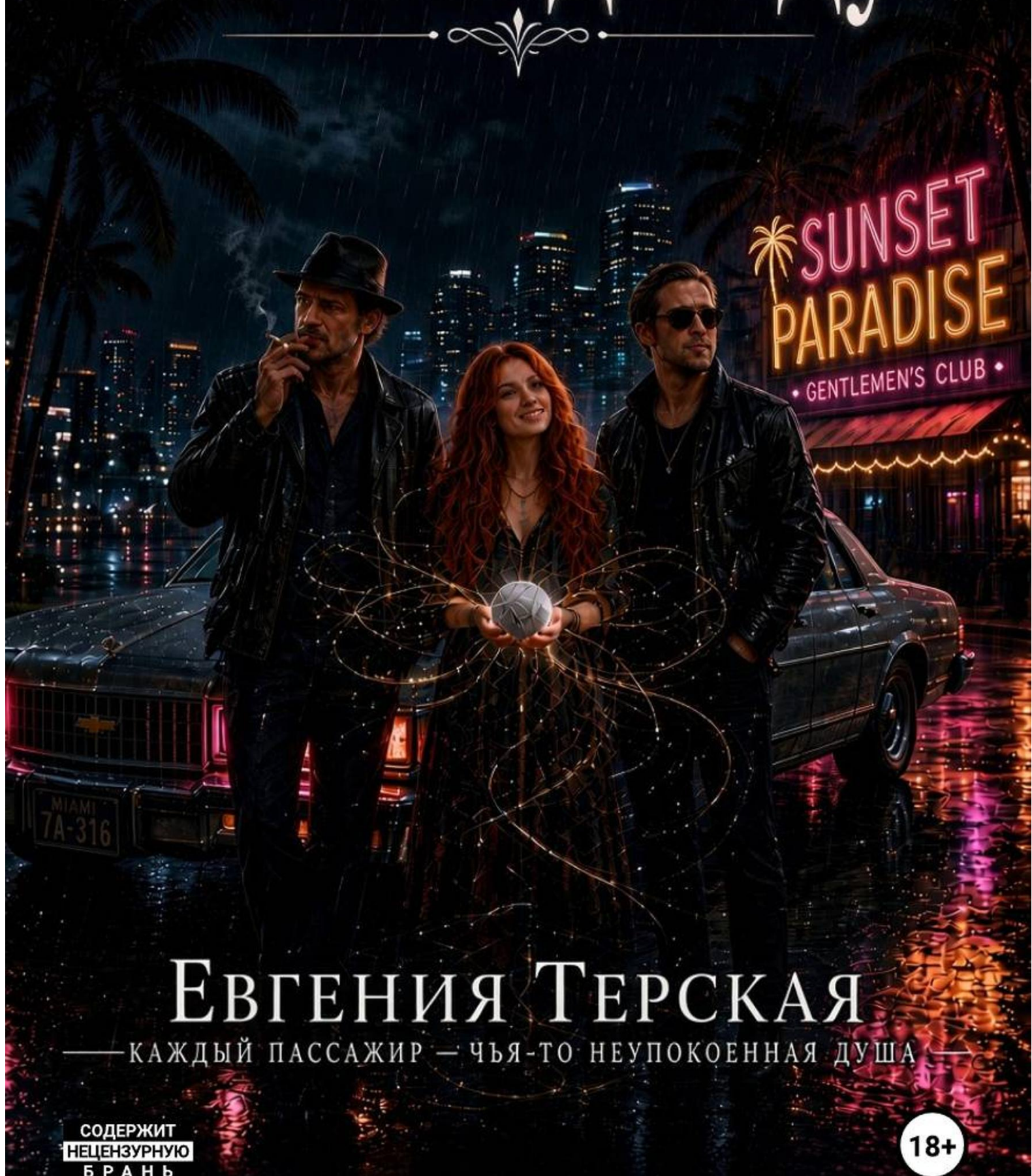

Таксист для душ

ЕВГЕНИЯ ТЕРСКАЯ

КАЖДЫЙ ПАССАЖИР — ЧЬЯ-ТО НЕУПОКОЕННАЯ ДУША

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Евгения Терская
Таксист для душ

«Автор»

2026

Терская Е.

Таксист для душ / Е. Терская — «Автор», 2026

Джек — циничный мелкий вор, привыкший выживать среди неоновых улиц Майами, криминальных разборок и дешёвых мотелей. После неудачного ограбления, закончившегося клинической смертью, он возвращается к жизни с неожиданным «призванием». Теперь Джек работает таксистом для душ: развозит их к таинственным светящимся дверям. Всё идёт относительно спокойно, пока его пассажиром не становится Сонни — мёртвый детектив, которого убили во время расследования могущественного наркокартеля. Сонни не собирается уходить в вечность, пока не найдёт своих убийц. Джек оказывается втянут в расследование, где рядом существуют живые и мёртвые, а за каждым поворотом его ждут новые неприятности. Мёртвый коп с вечно дымящейся сигаретой, странная девушка с клубком мистической пряжи, мафиози и неоновые улицы Майами — всё это часть игры, из которой Джеку придётся выбраться живым. Мистический криминальный триллер, где нуар встречается с городской фэнтези, а за спасение чужих душ приходится платить своей.

© Терская Е., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Пролог.	5
Глава 1. Тот, кто берёт чужое	6
Глава 2. Написано: мёртв	9
Глава 3. Шёпот на грани	11
Глава 4. Красная дверь	13
Глава 5. Призрак на асфальте	15
Конец ознакомительного фрагмента.	17

Таксист для душ

Пролог.

Богини судьбы сидели у колодца, и в руках у каждой была пряжа.

Первая пряла. Её пальцы двигались быстро и ровно, превращая хаос в нить — тонкую, серебряную, живую. Она не смотрела на свою работу, потому что знала: каждая нить уже есть, она просто ждёт, когда её вытянут из мотка времени.

Вторая отмеряла. Она брала готовую нить, проводила по ней пальцами — от начала до конца — и чувствовала, сколько ей осталось. Иногда она улыбалась. Иногда вздыхала. Но никогда не откладывала и не передвигала мету, которую ставила на нити. Мера есть мера, и её не меняют.

Третья ждала. Она сидела молча, с ножницами на коленях, и не сводила глаз с рук сестёр. Когда нить доходила до меты — она перерезала её одним движением, без дрожи, без сомнения. Нить падала в колодец, и там, в темноте, она переставала быть нитью. Она становилась памятью.

Так было всегда. Так будет всегда.

Но в один из дней между пальцами второй богини задержалась нить. Она не порвалась — просто застряла. Вторая провела по ней пальцами ещё раз — метя стояла на месте, но нить не двигалась к ней. Она висела между пальцами, тёплая и живая, но не тянулась к концу.

Третья подняла глаза. Ножницы в её руках остались закрытыми — они не могли разрезать то, что не дошло до меты. Первая на мгновение остановила веретено. Три богини смотрели на нить, которая застряла между мирами, и ни одна не знала, что с этим делать.

Нить ушла из их рук. Не в колодец, не в прошлое — в сторону, за край ткани мира. Никто не знал, куда. И никто не мог пойти за ней, потому что их место было здесь — прясть, отмерять, обрезать. Не искать. Не возвращать.

Но нить была потеряна. И мир, который держался на нитях, должен был найти того, кто сможет пройти по следу.

Был ещё один миф. О царице по имени Алькестиде, которая добровольно пошла на смерть вместо своего мужа. Она спустилась в царство мёртвых, не дрогнув, не спросив награды. И боги, которые видели её жертву, вернули её обратно. Она вышла из тени, сделала шаг в свет — и снова стала жить.

Но вернулась она не просто так. Её жизнь больше не принадлежала только ей. Она была дана взамен, и мир помнил этот долг. С тех пор тот, кто пересёк границу и вернулся, больше не может быть просто человеком. Он становится проводником — тем, кто должен отдать долг, проведя другие души туда, куда они не могут пойти сами.

Проводнику не объясняют правил и не показывают карт: он просто слышит шёпот и идёт, находит душу, которая ждёт, и ведёт её к двери, которую только он может увидеть. Когда дверь открывается — за ней свет. Проводник не идёт туда: его работа — довести, остальное не его.

Но иногда случаются сбои. Иногда нить не идёт к мете. Иногда шёпот молчит. Иногда проводник встречает душу, для которой не открывается ни одна дверь.

И тогда он должен выбирать.

Шёл ноябрьский дождь. В городе, где неон отражается в мокром асфальте, кто-то стоял у окна мотеля и не знал, что его нить уже отмерена. Кто-то в участке перелистывал сводку и пил остывший кофе, глядя на фотографию под стеклом. Кто-то блуждал по улицам с клубком пряжи в руках и не помнил, как оказался здесь.

Богини молчали.

Семь дней.

Глава 1. Тот, кто берёт чужое

Ночь в Майами не бывает чёрной. Она бывает мокрой, розовой, жёлтой — от неона, от фар, от света из круглосуточных закусочных, где пахнет жареным луком и старым кофе. Воздух висел тяжело, как мокрая простыня, и когда Джек открыл окно в мотеле, его встретила не свежесть, а ещё одна порция влажного тепла, въевшегося в город, в асфальт, в кожу.

Он стоял у подоконника уже полчаса, может, час. В комнате ничего не горело — он не включал свет, когда не нужно. Кондиционер гудел где-то в стене, выплёвывая холодный, затхлый воздух, который пахнул фильтрами, не менявшимися с прошлого лета. На тумбочке — пластиковый стаканчик с водой, на кровати — чёрная сумка. Всё остальное, что у него было, помещалось в эту сумку, и это не вызывало у него ни гордости, ни грусти. Просто так было удобнее.

За окном — шоссе. Машины проходили одна за другой, оставляя за собой мокрые полосы на асфальте. Где-то вдалеке мигал жёлтый светофор, и Джек смотрел на него, не моргая. Мысли не приходили, когда он их не звал.

Ему было тридцать два. Судимость, полученная ещё по малолетке, давно закрыла перед ним нормальные двери, оставив выбор между бесперспективной грязной работой за гроши и предложениями парней из старого двора. Он выбрал дворовых. Банда Реда не лезла в большую политику и избегала мокрухи — брали мелкие кассы, ювелирные лавки без нормальной охраны да выбивали долги. За разбой дают срок, с которого можно выйти, а за труп полиция перевернёт весь квартал.

Стук в дверь — три быстрых, один долгий. Свой.

— Джек, открывай, это я.

Он не обернулся. Сказал, не повышая голоса:

— Не заперто.

Чарли ввалился внутрь, как будто его кто-то толкнул, — с влажными волосами, с запахом дешёвого одеколona и нервной энергией, которая не давала ему стоять на месте. Он закрыл дверь, щёлкнул замком, подошёл к столу, тронул стаканчик с водой, потом кровать, потом сумку — трогал всё, до чего мог дотянуться, потому что руки должны были быть заняты, иначе они начинали дрожать.

— Ну что, — сказал он, не глядя на Джека. — Всё по плану. Там, короче, хозяин оседает до полуночи с наличкой, но сигналка старая. Задняя дверь отжимается за двадцать секунд. Мы заходим, берём сейф и коробки, и выходим, как на прогулку. Я всё проверил, Джек, всё!

— Чарли.

Голос Джека тихий, без интонации, и Чарли замолчал на полуслове, как будто на него нажали паузу. Джек повернулся от окна. Свет неона с улицы падал на его лицо — спокойное, почти неподвижное, с глазами, которые смотрели, но не выдавали ни одной мысли.

— Карта есть?

— А, да. Да-да, — Чарли полез в карман, достал сложенный вчетверо лист. — Вот, я срисовал, тут всё: проход, задняя дверь, где камеры мёртвые. Мы пройдем, я же говорю...

Джек взял лист, развернул. Посмотрел. Промолчал.

Чарли стоял рядом, переминался с ноги на ногу, трогал пальцами край стола.

— Мы ведь это, мы быстро, да? Берём, и всё.

— Время?

— Ровно пятнадцать минут на всё. Ред ждёт на перекрёстке, если застрянем — уедет.

— Уложимся.

Джек сложил карту, спрятал во внутренний карман лёгкой чёрной куртки. Подошёл к кровати, достал из сумки перчатки, тонкие, чёрные, на запястье — резинка.

Чарли смотрел на его руки, на то, как он надевает перчатки, и невольно сглотнул.

— У тебя так спокойно, Джек. Я бы тоже хотел так. А я вот, видишь, трясусь. Нервы. Это потому что я не как ты, я переживаю, я человек, я...

— Хватит.

Джек застегнул куртку, подошёл к двери. Остановился, посмотрел на Чарли.

— Ты за рулём. Я говорю — едешь.

— Да, да, я понял, всё понял.

Они вышли в ночь. Машина стояла под фонарём — старый «Шевроле», серый, с облезлым левым крылом. Джек сел на пассажирское сиденье, Чарли за руль. Двигатель завёлся с пол-оборота, и они въехали на шоссе, растворяясь в потоке машин.

У ломбарда пахло сырой плесенью и прелым картоном. Ветхое здание на углу улицы — их сегодняшняя цель. В окне подсобки потух жёлтый свет, силуэт хозяина исчез за порогом.

Чарли заглушил двигатель, обернулся:

— Погнали?

— Чарли. Свет погас. Пошли.

Они вышли из машины, скользнули в узкий проход между домами. Задняя дверь ломбарда встретила их запахом сырости. Джек достал из кармана плоский металлический рычаг, засунул его в щель между косяком и дверным полотном у самого замка. Надавил всем весом. Дерево сухо треснуло, язычок замка выскочил из паза, и дверь подалась внутрь с тихим скрипом.

— Красота, — прошептал Чарли, проскальзывая вслед за ним в тёмное нутро помещения.

Они работали слаженно и молча. Джек вытащил из рюкзака аккумуляторную болгарку и направился к небольшому сейфу в углу подсобки. Чарли остался у двери, контролируя двор и быстро стребая в полотняный мешок стоявшие на стеллажах коробки с техникой и несколько золотых цепочек.

Джек присел на корточки, приставил диск к дверце сейфа в месте крепления петли и нажал на пуск. Вспыхнул сноп ярких искр, разрезавший темноту комнаты. Визг металла о металл ударил по ушам.

Джек не любил эту работу. Липкий, мерзкий страх всегда садился на загривок во время взлома, но, глядя на свои сбитые костяшки и вьёвшуюся под ногти грязь, он знал: назад дороги давно нет.

Петля сдалась через четыре минуты. Джек отжал повреждённую дверцу монтировкой, быстро выгреб пачки купюр и закинул их на дно рюкзака.

— Всё, Чарли. Забираем мешки и уходим.

Чарли уже завязывал горловину своего мешка. На его лице играла азартная улыбка.

— Отлично сработали. Погнали к Реду.

Они выскочили через разбитую заднюю дверь обратно в тёмный, заливаемый дождём проход. Джек на ходу застёгивал молнию рюкзака, ощущая приятную тяжесть за спиной. Обычная пятница. Обычная незаконная работа.

Через час они сидели в машине, на заднем сиденье — два мешка с добром. Чарли вёл ровно, не превышая скорость, и молчал — впервые за вечер. Джек смотрел в окно на огни Майами, на пальмы, на людей, которые сидели в кафе и смеялись. Они жили. Он просто существовал между точками на карте.

Ред принимал товар в гараже на окраине. Он не задавал вопросов, смотрел на вещи, отсчитывал деньги, клал их в конверт. Чарли взял конверт, пожал руку Реду, сказал что-то про «в следующий раз». Джек стоял в стороне, прислонившись к стене.

В машине Чарли делил деньги. Джек взял свою половину, не пересчитывая.

— Может, выпьем? — спросил Чарли. — Я знаю одно место, там девочки, всё такое.

— Я не хочу.

— Ну как хочешь. Я тогда к себе. Завтра встретимся?

— Завтра.

Джек вышел из машины у своего мотеля. Чарли уехал, хлопнув дверью и включив музыку громче, чем надо. Джек стоял на тротуаре, смотрел, как красные фонари исчезают за поворотом. Потом поднялся в номер, положил деньги в сумку.

Он не включил свет. Прислонился спиной к стене и посмотрел в потолок.

Он не спал. Просто сидел и ждал. Чего — он сам не знал.

Утро в полицейском участке Майами пахло кофе, бумагой и потом.

Сонни сидел за столом, пил остывший кофе, листал сводку. На столе, под стеклом, — фотография девушки. Улыбка. Светлые волосы. Сонни посмотрел на неё на секунду дольше, чем нужно, потом перевёл взгляд на бумаги.

Ограбление ломбарда. Почерк чистый. Взломали заднюю дверь, вскрыли сейф болгаркой — аккуратно, сноровисто. Профессионалы.

Сонни потёр лицо ладонью. У него были тяжёлые веки и седина, которая лезла не по годам. Он знал, чья это нитка, знал этих отморозков из банды Реда, но это дело даже не его, да и зацепить их пока нечем — улики чистые, всё по уму. Он покачал головой.

— Ну вот опять, — сказал он вслух, самому себе, устало и зло. — Опять эти отморозки.

Отложил бумаги. Посмотрел в окно. Солнце вставало над Майами, и город, как всегда, делал вид, что всё в порядке.

Звонок телефона оборвал тишину. Сонни взял трубку, послушал, кивнул, что-то записал на полях бумаги.

День начинался.

В мотеле Джек всё ещё сидел на кровати. За окном — утро. Город просыпался, но Джек оставался неподвижным. Он смотрел в стену перед собой, и во всём его теле не было ни одного движения, которое выдавало бы желание встать.

Он ещё не знал, что до крутого поворота в его жизни оставалось чуть меньше недели.

Глава 2. Написано: мёртв

Информатора Чарли звали Бобби, и он клялся всеми богами, что эта наводка — билет в один конец до собственного острова на Карибах.

Большой коммерческий банк в самом сердце Майами. Шестизэтажное здание из стекла и бетона, где из-за плановой реконструкции хранилища и глобального сбоя в сети инкассации на выходные оставили неприлично огромный запас наличных. Система безопасности переключалась на резервные узлы, и, по словам Бобби, тридцатиминутное окно в субботу вечером превращалось в чистую «халяву».

Ред, который всегда избегал крупных дел и дрожал над каждой мелкой кассой, на этот раз не устоял. Миллионы налом сносят крышу даже самым тёртым. Он собрал почти всю банду — восемь человек, два старых «Шевроле» и короткий, поверхностный план: вломиться, скрутить двух дежурных охранников, набить мешки и испариться до того, как центральная система безопасности снова выйдет на связь.

Никто не знал, что жадный Бобби слил ту же информацию местной группировке из Ямайского квартала, взяв с них двойной аванс.

Дверь служебного входа вылетела с мясом. Парни Реда ввалились в мраморный вестибюль, вооружившись дробовиками и полуавтоматами, но вместо растерянных охранников прямо перед ними из-за центральных колонн выскочили шестеро крепких парней в масках с автоматами наперевес.

Секунда звенящей тишины — и операционный зал взорвался адом.

— Вы че, суки, охренели?! — визгливо закричал Чарли, но его голос мгновенно утонул в оглушительном грохоте очереди.

Стекло крошилось в пыль, мраморная облицовка летела брызгами в разные стороны. Это не было ограблением — это была хаотичная, слепая бойня на выживание. Парней Реда накрыло плотным свинцовым шквалом. Двое упали сразу — один с пробитой головой рухнул прямо на стойку администратора, второй свалился на залитый кровью паркет.

— Назад! Назад к машинам! — орал Ред где-то сзади, беспорядочно паля из пистолета.

Джек сжал зубы, укрываясь за массивной несущей колонной. В ушах дико звенело от оглушительного гула выстрелов в замкнутом пространстве. Рядом пуля чиркнула Чарли по предплечью, рассекая куртку и кожу. Чарли скулил, выпучив глаза от ужаса и боли, но продолжал судорожно сжимать свой ствол.

— Джек, они нас перебьют! Погнали отсюда! — визжал он.

Джек высунулся из-за колонны, чтобы дать короткую очередь и прикрыть отход, но в этот момент один из ямайцев дал залп из короткого «Узи».

Удар в грудь был похож на таран. Джек не сразу понял, что произошло — просто воздух мгновенно вышел из легких с хрипом, ноги стали ватными, а перед глазами вспыхнула слепящая белая вспышка. Он тяжело рухнул навзничь, ударившись затылком об окровавленный мрамор.

— Джек! Мать твою, Джек! — Чарли, забыв про раненую руку, вцепился в его куртку и упёрся ногами в пол, вытаскивая напарника к служебному выходу.

Ред и ещё двое выживших подхватили Джека и поволокли к выходу. Они буквально вывалились во двор, бросая мешки и оружие, закинули обмякшее тело Джека на заднее сиденье «Шевроле» и дали по газам с диким визгом шин.

В машине царил абсолютный ад.

Двигатель ревел на пределе, Ред гнал по ночным улицам Майами, срезая повороты и едва не сбивая встречные авто. На заднем сиденье Чарли и второй уцелевший бандит пыта-

лись зажать рану на груди Джека какими-то тряпками, но горячая, тёмная кровь толчками шла сквозь их пальцы. Она заливала кожаные сиденья, джинсы, руки.

— Он истекает! Слышишь, Ред, он, блядь, умирает! — Чарли колотило в истерике, его собственный порез на руке пачкал рукав, но он продолжал судорожно давить на грудь Джека.

Джек уже ничего не слышал. Голоса Чарли и Реда звучали так, будто они кричали со дна глубокого колодца. Грудную клетку сдавливала липкая, удушающая тяжесть, взгляд упёрся в тёмный потолок машины, а огни уличных фонарей за окном сливались в одну неразборчивую жёлтую полосу.

— В больницу его! — гаркнул Ред, тяжело дыша за рулём. — К центральной клинике! Сбросим у приемного покоя! Если полиция загребет нас с трупом в машине — нам всем конец!

Серый «Шевроле» на полной скорости занёсся на пандус отделения скорой помощи. Машина даже не остановилась до конца — дверь заскрипела, Чарли и второй парень вытащили обмякшее, окровавленное тело Джека прямиком на холодный асфальт у стеклянных дверей приёмного покоя.

— Живи, чувак, давай! — крикнул Чарли со слезами на глазах, хлопнул дверью, и машина, оставив черные полосы резины, умчалась в темноту.

Дальше были только рваные вспышки.

Шум автоматических дверей. Крик санитарки: «Огнестрел! Потеря крови, срочно реанимацию!». Холодная каталка, быстро летящие потолочные лампы коридора.

Затем — ослепительный, белый круг операционной лампы. Лица в масках, перчатки, залитые его собственной кровью, визг разрезаемой ножницами одежды.

— Давление падает! Сорок на ноль! — Теряем его! Заряд триста! — Разряд!

Джека подбросило на столе. Боль на мгновение вернулась огненной вспышкой и тут же погасла, уступая место ледяному, абсолютному покою. Он больше не чувствовал ни страха, ни раны. Вся суэта врачей, звон пинцетов, крики ассистентов стали далекими и совершенно неважными.

На мониторе зеленая извилистая линия просела вниз, издала короткий ломаный пик и окончательно выровнялась в непрерывный, тоскливый гул.

Пииииииииииииии...

Дежурный хирург медленно опустил руки. Тяжело вздохнул, сдернул с лица промокшую от пота маску и вытер лоб тыльной стороной ладони.

— Всё. Остановилось.

Он повернулся к настенным часам, висевшим над входом в блок.

— Записывай: двадцать три часа сорок четыре минуты. Суббота, двенадцатое ноября. Констатирую смерть.

Ассистентка кивнула, взяла планшет и вывела ровные цифры в медицинском журнале. Санитар подошел к краю стола и медленно потянул белую простыню, накрывая застывшее лицо Джека с головой.

Глава 3. Шёпот на грани

Врач застыл у раковины с намыленными руками.

Простыня, которой санитар накрыл лицо Джека, дёрнулась. Под белой тканью грудная клетка резко взметнулась вверх, выдав судорожный, ломаный вдох. В тишине операционной, где только что констатировали смерть, монитор у операционного стола захлебнулся, выдав рваный, оглушительный пик.

ТУК.

Линия на экране подскочила. За первым ударом последовал второй, затем третий — ровный, глубокий ритм. Сердце, которое минуту назад зафиксировали в журнале как остановившееся, запустилось само. Без разряда дефибриллятора, без укола адреналина.

Хирург медленно повернулся, ошарашенно глядя на оживший монитор, и тихо выдохнул: — Вычёркивай. Жив.

Он пролежал в больнице чуть больше двух недель.

Счёт за реанимацию и отдельную палату вышел огромным, но банда Реда покрыла его тайно и полностью. Не из-за великой любви к Джеку — просто Ред не хотел, чтобы полиция задавала лишние вопросы про раненого с огнестрелом, а Чарли мучился совестью за то, что оставил напарника у больницы умирать.

Когда Джек выписался, Чарли тут же притащил его в самый шумный ночной клуб на побережье — «оттянуться» и отпраздновать возвращение с того света.

Клуб гремел тяжёлым басом. Синий и пурпурный неон резал глаза, в воздухе висел густой запах спиртного, сладковатых вейпов и чужих духов. Чарли, уже успевший опрокинуть три стопки текилы, что-то эмоционально кричал Джеку на ухо, активно маша перебинтованной рукой, но Джек почти его не слышал. Он сидел за стойкой, медленно цедя дешёвый виски, и смотрел на танцпол сквозь толщу какого-то внутреннего оцепенения.

— Джек, ну ты чего как неродной? — Чарли толкнул его в плечо. — Ты живой, чувак! Посмотри вокруг! Вон, глянь на ту брюнетку у колонны. Она с тебя глаз не сводит. Иди, развейся!

Девушка у колонны — симпатичная брюнетка в коротком топе — действительно улыбнулась ему, пригубив коктейль.

Джек поднялся. Ему действительно нужно было доказать себе, что всё в порядке. Что он всё тот же Джек, а не ходячий труп из больничной сводки.

Разговор не занял много времени. Пара фраз, полупьяный смех, лёгкий, ни к чему не обязывающий флирт — и вот они уже ловят такси до его мотеля.

В номере было темно, только неоновый свет с шоссе пробивался сквозь щель между шторами.

Девушка сбросила туфли, обхватив Джека за шею. От неё пахло земляничным блеском для губ и горячей кожей. Джек прижал её к себе, перебирая пальцами прохладные волосы, чувствуя, как внутри просыпается забытый инстинкт.

Они опустились на кровать. От неё Джека отделяли всего пара предметов одежды. Девушка тихо вздохнула, расстёгивая пуговицу на его джинсах, Джек наклонился к её губам, и в этот самый момент...

Прямо ему в правое ухо, перекрывая звук кондиционера, раздался ледяной, чёткий шёпот:

— *Саут-Бич. Найди её. Она ждёт.*

Джека будто пробило током в десять тысяч вольт.

Он рывкнул от неожиданности, сжался и резко отшатнулся от девушки, свалившись с кровати прямо на холодный пол. Грудная клетка в месте старого шрама отозвалась ледяной, выжигающей болью.

— Какого чёрта?! — девушка в испуге подскочила на матрасе, прижимая к груди соскользнувшую кофту. — Ты что, совсем псих?!

Джек лежал на полу, тяжело дыша, с ошалелым видом озираясь по сторонам. В комнате не было ни души, кроме них двоих.

— Кто... кто здесь? — выдохнул он, вытирая липкий пот со лба.

— Всё, с меня хватит! Ты конченный! — девушка в бешенстве натянула туфли, схватила сумочку и, громко хлопнув дверью, выскочила вон.

Джек простоял под ледяными струями душа минут десять. Он с силой тёр лицо и грудь, пытаясь смыть этот гадкий, липкий страх.

«Это глюк. Просто последствия клиники. Мозг поехал после наркоза и потери крови», — твердил он себе, вытираясь жёстким полотенцем.

Он выключил свет, лёг на кровать и натянул одеяло до самого подбородка, уставившись в потолок. Город за окном затихал.

Стоило Джеку закрыть глаза, как шёпот вернулся. На этот раз он не звучал со стороны — он раздался прямо внутри его черепа, жёстко, требовательно и безапелляционно:

— *Найди её. Саут-Бич. Привези в Маленькую Гавану. Найди красную дверь с колокольчиком на Калле Очо.*

Джек резко сел на кровати.

— Заткнись! — рывкнул он в пустоту комнаты. — Заткнись!

В ответ — лишь ровное гудение кондиционера. Но внутри всё горело. Названия мест — Саут-Бич, Маленькая Гавана, Калле Очо — впечатались в мозг, как раскалённое клеймо. Он понимал: если останется в этой комнате, то просто сойдёт с ума. Голос не даст ему поспать. Голос не оставит его в покое.

— Да пошло оно всё нахуй! — в бешенстве прорычал Джек.

Он сдёрнул одеяло, вскочил на ноги и заходил по комнате. Быстро натянул джинсы, сжал кулаки, схватил с тумбочки ключи от машины и лёгкую куртку.

Через минуту дверь номера захлопнулась, и Джек вышел в душную, мокрую ночь Майами.

Глава 4. Красная дверь

Саут-Бич в три часа ночи выглядел вымершим.

Ветер гнал по пустой набережной пластиковые стаканы, пальмы тихо шелестели над головой, а океан накатывал на берег тяжёлыми, чёрными волнами. Джек стоял на липком песке, сунув руки в карманы куртки, и мрачно смотрел на воду.

Ни звука, ни движения — только шум прибоя.

— Идиота кусок, — пробормотал он себе под нос, сплёвывая в песок. — Попёрся среди ночи искать хрен знает кого...

Он уже развернулся, чтобы идти обратно к машине и наконец закончить этот бредовый фарс, как боковым зрением уловил движение у самой кромки воды.

В нескольких десятках метров от него, прямо у кромки прибоя, стояла фигура. Девушка. На ней было лёгкое светлое платье, липнувшее к телу, и она была мокрая до нитки — будто только что вынырнула из глубины. Она стояла неподвижно и смотрела в тёмную гладь океана.

Джек на мгновение замер, затем медленно подошёл ближе.

— Эй! — окликнул он, останавливаясь в паре шагов. — Эй, чувиха, у тебя всё в порядке? Что стряслось-то?

Девушка медленно повернула голову. На вид ей было лет двадцать. Побледневшее лицо, слипшиеся от морской воды волосы, но главное — глаза. Абсолютно пустые, лишённые малейшей эмоции или страха. Она смотрела на Джека сквозь него, не произнося ни звука.

— Ладно, как хочешь, — пробормотал Джек, чувствуя, как по спине пробегает нехороший холодок. — Моё дело предложить.

Он сделал шаг назад, намереваясь уйти, но в ту же секунду череп изнутри снова пронзила ледяная боль, и знакомый голос гаркнул прямо в мозг:

— *Маленькая Гавана. Калле Очо. Красная дверь.*

Джек скривился, зажав виски ладонями.

— Да понял я, понял, сука... — сквозь зубы выцедил он.

Он шагнул обратно к девушке, вздохнул и протянул руку:

— Поехали. Давай, шагай.

Он аккуратно взял её за запястье. Пальцы у неё были холодные и неживые, как у манекена в витрине. Девушка не воспротивилась и не испугалась — она просто пошла за ним, шаг в шаг, не поднимая глаз.

Она так же молча села на пассажирское сиденье его старого «Шевроле». За весь путь до города она не издала ни звука, не повернула головы и даже, кажется, не моргала, уставившись в лобовое стекло. Джек пару раз косился на неё, но спрашивать что-либо расхотелось окончательно.

В Маленькой Гаване ночная тишина казалась особенно глухой. Узкие улицы, закрытые ставни лавок, редкий свет тусклых фонарей. Джек медленно вёл машину вдоль Калле Очо, всматриваясь в обшарпанные фасады зданий.

Наконец у одного из двухэтажных кирпичных домов он заметил её.

Старая, покосившаяся деревянная дверь, выкрашенная в тускло-красный цвет. Над самым косяком висел небольшой латунный колокольчик.

Джек затормозил у тротуара, заглушил двигатель и вышел из машины. Девушка бесшумно выскользнула следом и встала рядом, покорно ожидая.

Джек подошёл к двери и несколько раз громко постучал кулаком по растрескавшейся краске.

Ничего. Ни шагов, ни голосов за дверью.

— И что дальше? — пробормотал Джек.

Он взялся за ржавую металлическую ручку и просто толкнул дверь от себя.

Дверь легко поддалась, и в ту же секунду из образовавшегося проёма вырвался нестерпимый, слепящий белый свет. Он был настолько ярким, что заполнил собой всю улицу, выжигая ночные тени. Джек ахнул, зажмурился и судорожно прикрыл лицо руками.

Сквозь зажмуренные глаза и пальцы он почувствовал, как мимо него пронеслось лёгкое движение воздуха.

Девушка перешагнула порог и без колебаний вошла прямо в этот ослепительный поток.

Спустя секунду свет мгновенно погас, будто кто-то щёлкнул тумблером.

Джек медленно опустил руку и открыл глаза. Перед ним стояла всё та же обычная, ветхая красная дверь. Улица снова погрузилась в полумрак. Девушки рядом не было.

Джек нахмурился, подошёл к двери и с силой дёрнул за ручку. На этот раз она даже не шелохнулась — деревянное полотно стояло намертво, будто замурованное в стену.

Он постоял секунду, глядя на запёртую дверь, потом пожал плечами.

— Ну и хрен с ним, — буркнул он.

Вернувшись в машину, Джек завёлся и поехал обратно в мотель. Добравшись до номера, он даже не стал раздеваться — просто скинул ботинки, рухнул на кровать и мгновенно провалился в глубокий, бессмысленный сон. Голос в его голове на этот раз молчал.

Глава 5. Призрак на асфальте

Прошёл почти месяц, и Джек почти убедил себя, что ночной эпизод на пляже и у красной двери — просто уродливое следствие наркоза, клинической смерти и переутомления. Голос в голове молчал, жизнь шла своим чередом, а деньги имели свойство заканчиваться.

Они с Чарли решили брать небольшой круглосуточный ломбард на окраине города. Никаких банковских масштабов, никаких ямайцев с автоматами — быстрая, отработанная до автоматизма рутина: вбежали, приставили ствол к виску кассира, забрали наличку и лотки с рыжём, смылись.

Всё шло идеально до момента, когда они выскочили на задний двор.

Внезапный вопль сирены рассек тишину переулка, и буквально из-за угла выскочил полицейский круизер. Копы явно патрулировали соседний квартал и оказались на месте намного быстрее, чем должны были.

— Блядь! Валим! — визгливо заорал Чарли.

Они рванули по узкой, заваленной мусорными баками подворотне. Из машины выскочили двое копов.

— Стоять! Полиция! Стой, стрелять буду! — эхом отозвалось от кирпичных стен, и тут же грохнул первый сухой выстрел, за ним второй.

Они бежали во весь опор, но вдруг Чарли коротко, всхлипывая вскрикнул и резко остановился.

Джек пробежал ещё пару шагов, тормозя кедами по мокрому асфальту, и обернулся:

— Чарли, ты чего?! Погнали!

Чарли стоял посреди переулка совершенно неподвижно, как-то неестественно выпрямив спину.

Джек опустил взгляд вниз — и у него перехватило дыхание.

На заплёванном асфальте у мусорного бака лежал Чарли. Настоящий, плотский Чарли — лицом в растекающуюся под ним багровую лужу, натёкшую из пробитого затылка. Джинсы, куртка, перебинтованное предплечье — всё было на месте.

Джек ошарашенно поднял глаза обратно.

Прямо над этим окровавленным телом стоял... Чарли. Абсолютно обычный, живой на вид, в той же самой куртке. Никакого свечения, никакой прозрачности или призрачного дыма. Он выглядел точно так же, как секунду назад, только лицо его было мертвенно-бледным. Он дикими глазами смотрел себе под ноги — на собственный труп, лежащий в луже крови.

— Стой! На землю, сука! — сзади уже накатывал топот тяжёлых берцов и слепящие лучи полицейских фонарей.

В мозгу Джека что-то коротнуло. Логика, реальность, здравый смысл — всё рухнуло в один миг.

В полном, диком ахуе, не помня себя от ужаса, Джек швырнул сумку с награбленным золотом прямо под ноги набегающим копам, развернулся и рванул в темноту переулка со всех ног.

Он бежал не разбирая дороги — через дворы, перемахивая через заборы, сворачивая в самые темные и вонючие тупики, пока дыхание не стало вырываться из груди с кровавым хрипом.

Джек забился в узкую, грязную щель между двумя брошенными гаражами. Сжался в комок, прижался спиной к холодной сырой стене и зажал рот обеими руками, чтобы не заорать.

Снаружи где-то вдалеке ещё вопили сирены, пробивая ночь вспышками проблесковых маячков, но сюда, в глухой тупик, свет не проникал.

Джек сидел в полной темноте. Сначала его накрыл парализующий ступор. Мозг отказывался воспринимать увиденное. *Два Чарли. Один лежит в крови, а второй стоит над ним...*

А потом до него наконец дошло.

Его единственного друга, который вытаскивал его из банка, который оплатил его палату, который дурачился с ним в клубе, больше нет в живых.

Джека колотило такой крупной дрожью, что зубы выбивали дробь. В горле встал колючий, удушающий ком. Он впился пальцами в собственные волосы, уткнулся лицом в согнутые колени, и его прорвало.

Джек зарыдал. Глухо, со всхлипами, размазывая по небритому лицу грязь, слезы и сопли.

— Чарли... — зашептал он, задыхаясь от рвущей грудь боли. — Чарли, друган... ну как же так-то, а?.. Как это... за что?..

Он сидел в грязи подворотни, плакал как ребёнок и впервые за свою жизнь смотрел в темноту, понимая, что мир вокруг него навсегда стал другим.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.